

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 801.8

Историзм адыгской прозы и его упоминаемость у мастера-учителя (к 80-летию Казбека Шаззо)*Хуако Ф.Н. – академик АМАН*

Холодные февральские дни текущего 2019 года некоторым образом ворошили под-сознание. Помимо четко известных дней рождений дорогих людей (дедушки, папы и маминого брата) есть еще кто-то, кто входит в такой ценный для меня круг – наставники мужского рода. И тут осеняющее взор фото на книжной полке, – конечно: Казбек Гиссович. Сразу вспоминается заинтересовавший недавно биографический роман автора 30-х гг. XX в. Ильи Эренбурга “Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников”, который убедил уже своим Вступлением. Это произведение очень сильно озвучивает и воспроизводит целиком разделяемые нами эмоции, ассоциирующиеся с образом адыгского Учителя, мастера родного литературоведения К.Г. Шаззо. Вот, к примеру, фрагмент из такого Вступления у И. Эренбурга: “С величайшим волнением приступаю я к труду, в котором вижу цель и оправдание своей убогой жизни, к описанию дней и дум Учителя Хулио Хуренито. Подавленная калейдоскопическим изобилием событий, моя память преждевременно одряхлела; этому способствовало также недостаточное питание, главным образом отсутствие сахара. Со страхом я думаю о том, что многие повествования и суждения Учителя навеки утеряны для меня и мира. Но образ его ярок и жив. Он стоит передо мной, худой и неистовый, в оранжевом жилете, в незабвенном галстуке с зелеными крапинками, и тихо усмехается. Учитель, я не предаю тебя!” [3. с. 219]. Столь очевидное созвучие испытываемого нами сегодня с ощущаемым в свое время И.Эренбургом уже при первом ознакомлении с текстом настроило на ассоциации и пробудило возможность данного сопоставления.

Многое из созданного Казбеком Шаззо нацелено на упрочение культуры целого этноса. Аналогично действенны его разножанровые работы. В том числе и статьи. Значительное количество насыщенных текстов такого формата выпущено из-под его пишущего стержня, и это имущество, конечно, нуждается в классифицировании и возможной групповой отнесенности. Непосредственно подобному групповому распределению содействовал вышедший в свет в Майкопе в 2014 году трехтомник мастера “Избранные труды Казбека Шаззо”. Создатель данного труда осведомленно внедряет в рассматриваемые материалы принципы историзма. При этом он делает такое в различных временных пространствах: как на нынешней, так и на хроникальной художественной почве. Тщательно рассматривая литературный инструмент, литературовед находит информационные ресурсы национального художественного продуцирования адыгов, успешно сочетающих в своих текстах личность и социальную среду. И на этой стезе К.Г. Шаззо центральной нитью вывязывает такую весьма значимую и лидирующую, какую представляет собой историзм, то есть хроникальная приближенность к реальности.

Действительно, непросто обозначить самобытные особенности этнического текста в течение ряда десятилетий, составляющих столетие. При этом необходимо прочертить его своеобразие, однако здесь же учесть и длительное созвучие, – все это непросто даже и на развитом научном поле. Формируемые в подобном ракурсе авторские думы задевают, порой пронизывают читателя. Они мягко щекочут получателя, часто пощипывают и тем самым пробуждают желание вступить в разговор и стать участником развернувшегося на читательских глазах диспута. Сам Мастер по этому поводу, очерчивая про-

фессиональную нацеленность аналитика литературы, подчеркивал: это продуцирование должно сохранять пламенность. Выстраивая ход мыслей весьма последовательно, К.Г. Шаззо, тем не менее, не упускает из числа изобразительных орудий этот жар, и критика оказывается достаточно эмоциональной.

Ну, и обратимся непосредственно к историчности нашей стержневой прозы, поясняя такую ее отнесенность. Поскольку непосредственно историзм, анализ и разбор художественных текстов, принадлежащих к весьма различающимся социально-политическим планам, выступили центральными линиями в творческом интересе и в активе К.Г. Шаззо. Обязательно утверждается в науке, что историчность складываемого этническим оратором слова представляет собой древний ключ, сохраняемый на протяжении столетий в форме определенного презента и передаваемый эпической литературе (в т.ч. роману). Оказывается таковой в этих жанровых (романных) границах неперенным требованием к образованию соответствующих фигур. Без оглядки на советские механизмы словотворчества, замедлявшие требуемое развитие созидания, середина минувшего столетия утвердила череду маститых адыгских прозаиков, расцениваемых сегодня как национальные классики. Это А. Шогенцуков, Т. Керашев, А. Евтых, А. Кешоков, И. Машбаш, Н. Куек и др. Интенсивно продвигая в адыгской литературоведческой науке рассматриваемое нами свойство (историзм), К.Г. Шаззо уверяет социум: подобная черта действительна и в современной адыгской литературе. Она активно содействует тому, что не только крупножанровые романисты, но и маложанровые лирики стремятся произвести пройденную стезю с позиций нового времени и таким образом соотносить различные по времени площади.

В целом, воспроизведение досоветского минувшего с применением фольклорного материала отнюдь не ново в северокавказских произведениях. Уже в давней первой половине минувшего столетия имелось в национальной (в частности, в адыгской) литературе своеобразное воспроизведение исторического приема с уходом в столетние гущи. Это историческая повесть Тембота Керашева “Дочь шапсугов” (Майкоп, 1951), в коей писатель художественно обобщил существенный фольклорный запас. И потому этот автор признается учеными как интеллектуальный геркулес адыгов, умное и выразительное изложение коего и в наши дни вырисовывает этносу пути развития.

Тем не менее, очевидно при этом и другое. Тогдашний мощный негатив советского строя, базирующийся на учрежденческих приказах в культурной среде; безапелляционная идеология с ее рамками, – все это скопом нанесло заметный урон поющим горскую песнь кавказским повествователям. Кроме того, плотный песенный слой оказался утрачен с избежавшим власти певцом, прячущимся и уходящим от официальных видов деятельности. Многочисленные утраты такого типа перешли в конкретный языковой голод, мучивший этнических представителей, нуждающихся в обороте ко внутреннему миру. Именно это и вылилось в тенденцию лиризации в середине прошлого века. Непосредственно такую тональность можно пронаблюдать у ряда адыгских писателей, к которым мы относим А. Евтыха, Х. Ашинова, П. Кошубаева, С. Панеша, Н. Куека, Ю. Чуюко и др.

Хотя концентрация личностного элемента в художественной прозе и обращение к индивидуальному все равно не удовлетворяли общество, и это списывалось на неимение действительного факта. Подчиняясь неперенным тогда требованиям советского государства, нередко послушная адыгская (младописьменная) литература как-то в 90-е гг. XX в. очутилась перед разваливающейся Родиной (СССР). Причем в перестроечном зачине как раз факт требовался всякому адыгоязычному представителю. Срабатывало

утомление, появившееся механически, после перенасыщения ком- партийным игом. Угнетало состояние, при котором всякий партийный атрибут однозначно уважался в качестве единственно верной позиции, а любое противоположение в его адрес считалось отдаленным от правды надругательством. Неправда, одна сменяющая другую, предопределила успешный исход в зачинавшейся в конце 80-х гг. XX в. перестройке.

Когда непосредственно оказался распознан вкус независимого слога, чудом исчез партийный цензор. Всякий говорящий выступил в роли вольного производителя, не неся никакой (моральная теперь – не в счет) обязанности отвечать за сказанное. На первых порах подобное расположение утешило, успокоило, а в дальнейшем, при более тщательном рассмотрении происходящего, – ошутимо распатало при отсутствии каких-либо духовных установок в современной РФ-конструкции. Для творчески действующего адыга подобное положение сработало, несомненно, на том, что интересующая нас сейчас потребность в факте, рядом со свежей тогда вольностью, дала возможность писателям говорить о многом, случавшемся когда-либо с народом. В частности, это были войны позапрошлого и прошлого столетий, революция и затопление. Предпочтение факта, а с ним, – и хроникальности убедительно преобладает на страницах художественных текстов адыгских авторов (в частности, А. Евтых, И. Машбаш, С. Панеш, Ю. Чуюко Н. Куек и др.).

Существенная доля словотворцев сосредоточилась на случавшемся, писатели начали рассматривать событийные поля. Как мы отмечаем в одной из своих статей наших дней, историзм адыгской прозы допустимо систематизировать по группам. Это обусловлено тем, что позиции писателей часто различаются, точки зрения расходятся, выводы противопологаются. И на таком фундаменте можно обозначить: 1) историзм событийный, фактический; 2) историзм внутренний, эмоциональный; 3) историзм философский, мифический. [2. с. 200] Поясним их несколько.

1. Историзм событийный, фактический. Данная категория адыгских писателей сконцентрирована на противоречиях распространенных в этническом прошлом конфликтов. Их обязательная острота обусловлена кровавой болью драматично утратившего в прошлом свои ряды и земли этноса. Такой исторической тематикой основательно были заняты в середине прошлого века (А. Евтых) и частично занимаются сегодня (И. Машбаш) наши авторы. Центральную тематику, относимую к строке Аскера Евтыха, являли собой события, случавшиеся и протекавшие в послевоенном ауле. Активистом, возвращавшимся в большей части книг, оказывался чаще выходец с боевого поля, только вернувшийся с победой и радостно выстраивающий систему нового, многообещающего быта. При этом просматривалась реальная склонность к приукрашиванию лика такого боевого коммуниста. Благодаря соцреалистическому пафосу его интенсивный позитив позволял победить все имеющиеся на селе трудности. Как признавала критика, такая расположенность присуща таким трудам Аскера Евтыха, как “Превосходная должность” (1948), “Аул Псыбэ” (1950) и последовавшим за ними крупным (порой, – романным) произведениям (“Солнце над нами”, “Девушка из аула”, “У нас в ауле”). События в повести “Аул Псыбэ” случаются в стартовые годы после войны. Центральные персонажи произведения являются боевыми участниками ВОВ. Целиком все произведение тематически обращено к достижениям жителей аула по воссозданию разваленного во время войны сельского механизма. Пришедший после небесных боев главный герой, пилот, оказывается действующим в колхозе партийным секретарем. В этой роли он приступает к делам, нередко входя в перепалку (как внешнюю, словесную, так и внутреннюю, межличностную) с колхозным руководителем, который тоже есть бывший ратник, порой игнорирующий мнение рядовых обывателей в мирных буднях. Иная проза среднего жанра (повесть) у А. Евтыха,

относимая к середине прошлого века, – “Превосходная должность”. Она описывает государственный проект по налаживанию энергетической станции в водных условиях (в частности, на одной из рек Адыгеи – реке Белой). В созвучии с “Аулом Псыбэ”, в этом тексте просматриваются прямые, присущие советскому соцреализму дефекты: облегченность тягот и приподнятость описаний. Хотя в этом тексте тональность напыщенной пафосности просматривается не столь очевидно. Третья повесть А. Евтыха о послевоенной бытовой налаживаемости (“У нас в ауле”), аналогично двум, вышеупомянутым в текущем разделе, рассказывает о бытии адыгского населенного пункта советского времени, о трудностях и подвигах сельчан и колхозных членов, но здесь есть и судьба молодой женщины, решившейся уйти от мужа в родное гнездо. Здесь она принимается существовать независимой и самостоятельной деятельностью. С опорой на оказываемую ей поддержку близких девушка ломает оказываемое ей некоторыми земляками недоверие. Оно порождено тем, что с давних пор в адыгском обществе уходящая добровольно из дома мужа женщина выступала в отверженной роли. Минувя еще ряд лет писатель вновь занимается исторически-подкрепляемым повествовательным жанром в 60 – 70-е гг. XX в. Его повести “След человека”, “Судьба одной женщины” и другие, по выражению Х. Тлепцерже, “являются великолепными образцами” жанра и “достойны его первой повести “Мой старший брат”. В них, по словам критика, “писатель выходит на уровень повествовательной прозы в современной советской и мировой литературе” [1. с. 68].

2. Историзм внутренний, эмоциональный. Данная группа исторически заинтересованных адыгов среди повествователей несколько больше сосредоточена на внутреннем мире. Оказывается задействованным и духовный строй адыга, его мысли и думы, сопровождаемые эмоциями, относимые ко второй половине XX в. (Х. Ашинов, П. Кошубаев, С. Панеш). К примеру, в итоговой собственной публикации “Къэбар гухэкI” (“Горестный рассказ”, 1992) Х.Ашинов часто сосредоточивается на деталях жесткого боевого бытия на фронте, хотя и с лирическим уклоном, но не без эпической событийности. Общественные дискурсы появившегося в конце прошлого века свежего потока. Его течения подули к моменту распада страны, отобразились на шансе выхода в 1998 г. содержащего исторические факты произведения Сафера Панеша “Хым ишгъхьал мэхьаджэ, е неущ класэ хьущт” (“Мельница моря перемалывает, или завтра будет поздно”), созданного автором в 1989 г., но не нашедшего тогда государственной поддержки. Это предопределялось тем, что по пронзительности и болезненности формулируемых текстом проблем, по общественно-политической нацеленности книгу С. Панеша допустимо расположить близко к порой спорному “Прощанию с Матерой” Валентина Распутина. Унисон российского и адыгского авторов просматривается в их озабоченности и сильной возмущенности заливаемыми насильно водными полями новой власти.

3. Историзм философский, мифический. Другая категория посвященного истории адыгского словотворчества активной нацелена на философию. При этом сильно и интенсивно раскрыта ткань этнически-обусловленного душевного пространства в мифопоэтике Н. Куека и других философствующих писателей уже в приближении к текущему тысячелетию (К. Шаззо, Ю. Чуяко и др.). Тем не менее индивидуальные признаки характера в их своеобразном воспроизведении преимущественно различаются по хроникальному признаку. Это подтверждается стартовой прозаической книгой Санят Гutowой “Шэныгъэ шгъэф” (“Тайное знание”, 2004), охватывающей существующие в новом мире эпизоды действительности в созвучии с акцентами столетий. Существенное количество военных эпизодов, случившихся в истории, вновь воплотилось и в художественном ракурсе А.Евтыха. Его романские изложения “Разрыв сердца” (“Разорванная картина”) и

“Я – Кенгуру” выходят в 2000 г. посмертно в Москве под общим заголовком “Разрыв сердца”. К трагическим обстоятельствам и примерам из реальности на отческих землях приступает в пределах своих повествований малых жанров также и А. Схалыхо в книге “Огненный витязь”.

Уже при обобщении данной классификации, становятся видимыми в этих насыщенных горах художественного массива отдельные частицы. Всякая черта любой из данных частиц переливается в периодическом мастерском изложении К.Г. Шаззо, анализирующего гору. При этом несомненно: не будь таких авторских подсветок, поскучили бы подобные частицы, нередко мрачные и застоявшиеся, выступив лишь серой последовательностью фактов. Тем не менее, не способен допустить подобного литературовед. Внутренность строя и своеобразие концепции, лирическое изложение реальной наукообразной ткани позволяют вновь и вновь утверждать не только информационные, но и эмоциональные узлы его филологических нитей. Обнаруживается в подобном формате также некая необычная словесная схватка с действующим в настоящем адыгским романистом Исхаком Машбашем. Такая разно-позиционная беседа дает взглянуть на литературные проблемы в наши дни, причем происходит это с противоположных, порой радикально отличных точек зрения. Тем самым рассмотрение уверенно прогрессирует. Таким образом, в полной мере применяются К.Г. Шаззо и монолог, и диалог в текстах, что дает возможность закрепить зрительское внимание уже на стартовых страницах и сохранять его действующим до конца. Относительно тематического набора можно сказать, что он не менее объемный, чем набор жанровый. Причем по-другому и быть не могло. Данный цикл публикаций Казбека Шаззо объектом имеет длительное вековое творчество, а потому столь же длителен охват предметов и лиц, сопровождающих данное творчество.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тлепцери Х.Г.* На пути к зрелости. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1991.
2. *Хуако Ф.Н.* Действующее лицо истории в адыгской прозе прошлого и нового веков // Вестник АГУ (ВАК). 2016. № 2 (177). С. 200–205.
3. *Эренбург И.И.* Собрание сочинений в 8-ми тт. Т. 1. М.: Худож. литература, 1990. 638 с.

ABSTRACT

Keywords: Adyg, prose, writer, historicism, literary criticism, Shazzo.

Maikop state technological university, Maikop

© F.N. Khuako, 2019

АННОТАЦИЯ

В статье как объект рассмотрения изучаются историзм и его возможные проявления в эпической прозе адыгских авторов. Это происходит путем выделения соответствующего материала в трудах современного адыгского литературоведа Казбека Гиссовича Шаззо. Принимая во внимание имевшуюся при исторической тематике специфичность автор статьи выстраивает ее этническую характерологию. Сопоставительное рассмотрение адыгских прозаиков прошлого и текущего веков позволяет автору статьи Ф.Хуако произвести некоторые заключения об авторитетности ученого К.Г.Шаззо на данной стезе. **Ключевые слова:** адыг, проза, писатель, историзм, литературоведение, Шаззо.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования “Майкопский государственный технологический университет”, Майкоп

© Ф.Н. Хуако, 2019